

— Сейчас отец и мать разгневаны на меня, и здоровье отца ухудшается. Я должен остаться здесь, чтобы искупить свою вину и проявить сыновнюю почтительность. Если пятый брат станет императором, я попрошу у него поместье, и мы уедем из столицы, хорошо?

Жун Цзюэ взял руку Ци Нина и мягко произнёс эти слова, словно успокаивая его, но в то же время принимая важное решение.

Слёзы Ци Нина продолжали течь, и Жун Цзюэ был в полном замешательстве.

— Почему ты не отвечаешь? Раньше я редко видел тебя расстроенным, а сегодня ты плачешь без остановки, как ребёнок.

Ци Нин высморкался, отпустил руку Жун Цзюэ и уложил его на кровать. Сам прилёг рядом, положив голову на его плечо.

— Ладно. Хватит плакать. Ты устал, я останусь с тобой.

Третья ночная стража.

— Бестолковый! Император заснул за чтением книги в этой комнате, а ты даже не подумал подстелить ему одеяло, просто дремлешь тут. Я отошёл на минуту, а вы уже так ленитесь.

Цзю-эр дал пощёчину ночному еврею, и тот тут же упал на колени.

Луна висела высоко в небе, ночь была ясной. В этот момент Жун Цзюэ, свернувшись с книгой по военной стратегии, уже погрузился в сон. А в лагере гвардии у Северных ворот столицы кто-то не мог уснуть.

Фан Ляочжи, писавший что-то, вдруг сделал неверный штрих, и на его лбу появилась морщина.

Он отложил кисть и начал перелистывать страницы своих записей. Воспоминания начали обретать чёткость и структуру, и чем больше он понимал, тем сильнее становился его страх. Он приближался к истине, которую забыл на несколько месяцев, и чем ближе был, тем больше боялся.

Эмоциональное напряжение давало о себе знать, старые раны начали ныть, и его сознание снова стало путаться. Фан Ляочжи потрянул головой, пытаясь успокоиться.

— Брат Фан, почему ты ещё не спишь?

Фан Ляочжи вздрогнул, спрятал бумаги и кисть в шкатулку, затем обернулся.

— О, это ты, брат Сяо. Что привело тебя сюда в такой поздний час?

— Вижу, что здесь всё ещё горит свет, вот и решил зайти. Брат Фан не может уснуть, тоскуешь по дому? По твоему акценту видно, что ты не из столицы.

Фан Ляочжи подумал, что этот человек не только любит вмешиваться в чужие дела и заводить друзей, но и умеет читать людей.

— Ты прав, брат Сяо, я действительно не из столицы.

Сказав это, он улыбнулся и замолчал.

Сяо Мин хотел услышать больше о происхождении Фан Ляочжи, но тот не собирался продолжать. Это немного разозлило его, ведь он уже открылся Лян Цзаню, а этот человек всё ещё держал язык за зубами.

— Брат Фан, ты не считаешь меня другом.

— Ты ошибаешься, брат Сяо. Я чудом выжил, и моя память ещё не восстановилась. Я даже не помню, откуда я родом.

Сомнения Сяо Мина только усилились. Человек, который даже не помнил, кто он, удостоился доверия императора и был допущен к нему на службу.

— Брат Фан, ты, должно быть, мастерски владеешь боевыми искусствами?

Сяо Мин продолжил расспросы.

Фан Ляочжи нахмурился, словно пытаясь вспомнить что-то, и вдруг в его глазах мелькнула ярость. Сяо Мин невольно отступил на шаг.

— Что с тобой, брат Сяо?

Фан Ляочжи, увидев испуг на лице Сяо Мина, протянул руку. Ярость исчезла так же быстро, как и появилась, сменившись дружелюбной улыбкой.

Сяо Мин, видя, что Фан Ляочжи не притворяется, сказал:

— Брат Фан, ты что-то вспомнил? Твои глаза... в них был убийственный блеск. Ты, должно быть, изучал жестокие боевые искусства.

Сяо Мин сдержал эмоции и взял протянутую руку, незаметно нащупав пульс.

Фан Ляочжи почувствовал неприязнь к этому жесту, но не стал сопротивляться, позволив Сяо Мину тайно измерить его пульс.

— Брат Фан, ты был отравлен?

Сяо Мин посмотрел в глаза Фан Ляочжи с улыбкой.

Слегка надавив на запястье, он продолжил:

— Брат Фан, твоя внутренняя энергия, кажется, подавлена ядом.

Он наблюдал за выражением лица Фан Ляочжи.

Они смотрели друг на друга некоторое время, и Фан Ляочжи отказался от мысли убить его. Он отвёл руку и сказал:

— Брат Сяо, ты ещё и медицину знаешь?

— В молодости, когда я изучал боевые искусства, немного учился. Воины часто получают ранения, и мой наставник, считавший меня сыном, пригласил лекаря, чтобы научить меня основам медицины для самозащиты. Это поверхностные знания, ничего особенного.

Сяо Мин слегка улыбнулся и продолжил:

— Но с твоим пульсом я совсем не могу разобраться.

Фан Ляочжи посмотрел на него с подозрением.

— Брат Фан, отдохни. Я пойду.

Сяо Мин понял, что задерживаться не стоит, и, встав, попрощался.

Фан Ляочжи поднялся и поклонился.

— Брат Сяо, счастливого пути.

Сяо Мин вежливо ответил и ушёл.

В рукаве Фан Ляочжи мелькнул тонкий серебряный свет. Отказавшись от мысли убить Сяо Мина, он теперь был полон вопросов.

«Чёрт возьми, я был отравлен? Кто это сделал? Сяо Мин обманывает меня, или я просто не всё вспомнил?»

Сяо Мин, измерив пульс Фан Ляочжи, обнаружил две противоборствующие энергии, обе зловещие и совершенно не похожие на те, что изучают традиционные воины. Эти две энергии подавляли внутреннюю силу Фан Ляочжи. Если это не результат отравления, Сяо Мин не мог придумать другого объяснения.

Он напряжённо размышлял. У Фан Ляочжи было слишком много секретов. Стоит ли ему рассказать об этом Лин Чэ или напрямую доложить императору? Но, учитывая отношение Лин Чэ и императора к этому человеку, неосторожный донос мог стоить ему жизни.

После долгих раздумий Сяо Мин решил пока ничего не предпринимать.

Фан Ляочжи тоже заснул, полный вопросов.

На следующий день, когда пришло время сменить дежурство, Фан Ляочжи был остановлен Цзю-эром у дверей императорского кабинета.

— Его Величество обсуждает важные дела и приказал никого не впускать.

Фан Ляочжи почтительно встал у двери, ожидая вызова.

В кабинете Жун Цзюэ сидел напротив Лян Яня, а Лин Чэ стоял рядом.

— Спасибо за труд. Садись.

Жун Цзюэ сказал.

— Ваше Величество, я недостоин. Благодарю.

Лян Янь сел.

— У меня есть вопрос.

Жун Цзюэ развернул два секретных донесения Лян Яня.

Лян Янь слегка склонил голову.

— Ваше Величество, спрашивайте.

— Вдовствующая императрица распустила всех слуг из резиденции князя Гуна, но один человек исчез. Почему ты не упомянул его в своём донесении?

Лян Янь побледнел и тут же упал на колени.

— Ваше Величество, я виновен.

Жун Цзюэ свернул донесения и медленно произнёс:

— Лян Янь, Тайный совет был создан моим отцом и верен только императору. Ты скрыл информацию, и если у тебя нет веской причины, я не смогу тебя простить.

Лян Янь молчал, стоя на коленях. Жун Цзюэ подошёл к Лин Чэ, вынул меч из ножен и бросил его перед Лян Янем.

— Если не скажешь, убей себя.

Лян Янь ударился головой о золотой пол.

— Ваше Величество, этот человек был в списке убийств Тайного совета, все убийства совершались по тайному указу покойного императора и не подлежали разглашению. Я не осмелился нарушить волю покойного императора, поэтому не сообщил. Прошу наказания.

Жун Цзюэ вздрогнул.

— Яо Цин был убит по тайному указу моего отца?

— Да.

Лян Янь ответил.

— Когда это произошло?

— В день, когда Ваше Величество получило завещание.

Жун Цзюэ почувствовал, что ему не хватает воздуха. Когда его отец был тяжело болен, он вызвал его во дворец для ухода. Он провёл несколько дней у его постели, пока отец не скончался, и завещание передало трон ему. В это время произошло такое событие, о котором он даже не подозревал.

— Кто убил его? Приведите его сюда.

Жун Цзюэ успокоился и был полон решимости выяснить, что произошло.

— Ваше Величество, это дело было поручено лично главе Тайного совета. С тех пор, как покойный император скончался, глава исчез несколько месяцев назад, его судьба неизвестна. Ваше Величество, вы знаете об этом.

Лян Янь снова ударился головой о пол.

Жун Цзюэ вспомнил. Перед смертью отец хотел вызвать главу и заместителя Тайного совета, чтобы передать дела ему, но пришёл только Лян Янь, сообщивший, что глава выполняет

императорский приказ и ещё не вернулся.

— Яо Цин был советником, он не владел боевыми искусствами. Убить его должно было быть легко. Почему глава исчез, и его судьба неизвестна? Ты не послал кого-нибудь расследовать?

— Ваше Величество, без императорского указа я не могу и не смею проводить расследования самостоятельно.

Жун Цзюэ не знал, смеяться или плакать.

— Я разрешаю, расследуй.

Лян Янь принял приказ и удалился. Жун Цзюэ понял, насколько строги правила Тайного совета. Если его отец приказал убить Яо Цина, а затем убил убийцу, то расследовать это, конечно, было нельзя. Лян Янь не осмелился бы сделать это самостоятельно.

Фан Ляочжи стоял у двери императорского кабинета, когда увидел знакомую фигуру, выходящую через боковую дверь. Он слегка нахмурился, но, не успев подумать, был вызван внутрь.

Жун Цзюэ сидел с задумчивым видом, а рядом стоял Лин Чэ, тоже выглядевший озадаченным.

Фан Ляочжи улыбнулся.

— Ваше Величество, что-то беспокоит?

— Это не твоё дело.

Жун Цзюэ резко оборвал его.

— Ладно.

Фан Ляочжи молча встал, увидев на столе два письма. Он хотел спросить ещё, но заметил, что Лин Чэ смотрит на него с неодобрением, и замолчал.

<http://bllate.org/book/16817/1564751>